

Чарльз Диккенс

**Скряга Скрудж. Святочная
песня в прозе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Д45

Д45 **Диккенс Ч.**
Скряга Скрудж. Святочная песня в прозе / Чарльз Диккенс – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 78 с.

ISBN 978-5-519-03125-7

СКРЯГА СКРУДЖЪ. СВЯТОЧНАЯ ПЪСНЯ
ВЪ ПРОЗЪ. Сочинение Чарльза Диккенса
с портретом автора. Перевод Л.А. Мея (1898).

ISBN 978-5-519-03125-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

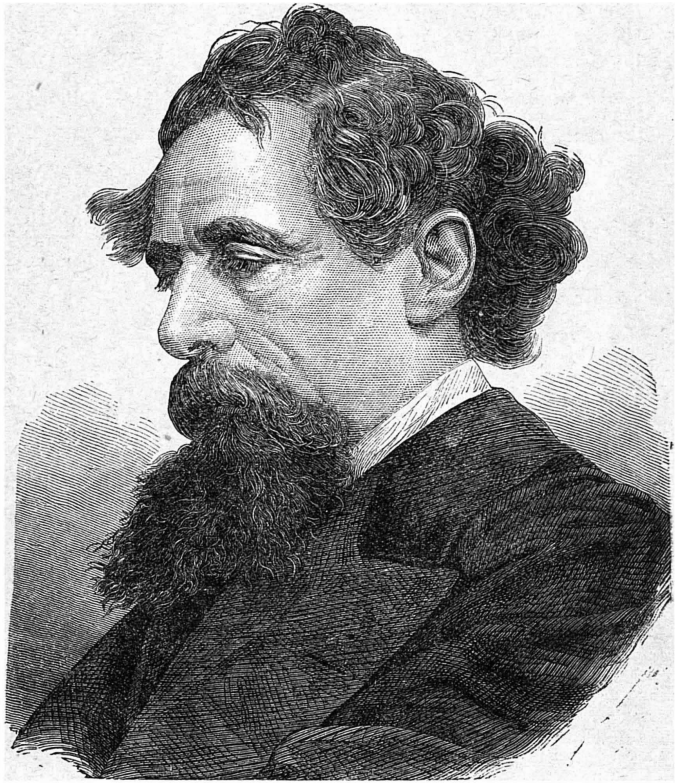
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СКРЯГА СКРУДЖЪ.

СВЯТОЧНАЯ ПѢСНЯ

ВЪ ПРОЗѢ

(Ч а р л ь з а Д и к е н с а).

Первая строфа. Призракъ Мэрлей.

Начнемъ сначала: Мэрлей умеръ. Въ этомъ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія. Метрическая книга подписана приходскимъ священникомъ, причетникомъ и гробовщикомъ. Росписался въ ней и Скруджъ, а имя Скруджа было громко на биржѣ, гдѣ-бы и подѣ чѣмъ-бы ему ни благоугодно было подписаться.

Дѣло въ томъ, что старикъ Мэрлей вбитъ былъ въ могилу, какъ осиновый колъ.

Позвольте! Не подумайте, чтобы я самолично убѣдился въ мертвенности осиноваго кола: я думаю, напротивъ, что ничего нѣтъ мертвеннѣе въ торговлѣ гвоздя, вколоченнаго въ крышку гроба...

Но... разумъ нашихъ предковъ сложился на подобіяхъ и пословицахъ, и не моей нечестивой рукѣ подобаетъ коснуться священнаго кивота вѣковъ — иначе погибнетъ моя отчина...

И такъ, вы позволите мнѣ повторить съ достодоленною

выразительностию, что Мэрлей былъ вбитъ въ могилу, какъ осиновый колъ...

Спрашивается: зналъ-ли Скруджъ, что Мэрлей умеръ? Конечно зналъ, да и какъ же не зналъ то бы? Онъ и Мэрлей олицетворяли собою торговую фирму.

— Богъ вѣсть — сколько ужъ лѣтъ Скруджъ былъ душеприкащикомъ, единственнымъ повѣреннымъ, единственнымъ другомъ и единственнымъ провожатымъ мерлевскаго гроба. По правдѣ, смерть друга не на столько его огорчила, чтобы онъ, въ самый день похоронъ, не оказался дѣловымъ человѣкомъ и бережливымъ распорядителемъ печальной процесси.

Вотъ это-то слово и наводитъ меня на первую мою мысль, а именно, что Мэрлей безъ сомнѣнiя умеръ, и что, слѣдовательно, если-бы не умеръ онъ, въ моемъ разсказѣ не было-бы ничего удивительнаго.

Если бы мы не были убѣждены, что отецъ Гамлета умеръ до начала пiесы, никто изъ насъ не обратилъ-бы даже и вниманiя на то, что господинъ почтенныхъ лѣтъ прогуливается некстати, въ потемкахъ и на свѣжѣмъ вѣтеркѣ, по городскому валу, между могилъ, съ единственной цѣлю — окончательно разстроить поврежденныя умственныя способности своего возлюбленнаго сына. Что касается собственно Скруджа, ему и въ голову не приходило вычеркнуть изъ счетныхъ книгъ имя своего товарища по торговлѣ: много лѣтъ послѣ смерти Мэрлея, надъ входомъ въ ихъ общiй магазинъ красовалась еще вывѣска съ надписью: „Скруджъ и Мэрлей“. Фирма торговаго дома была все та же: „Скруджъ и Мэрлей“. Случалось иногда, что нѣкоторые господа, плохо знакомые съ торговыми оборотами, называли этотъ домъ: Скруджъ — Скруджъ, а иногда и просто: Мэрлей; но фирма всегда готова была откликнуться одинаково на то, или на другое имя.

О! Скруджъ вполнѣ изучилъ свой ручной жерновъ и крѣпко держалъ его въ кулакъ, милѣйшій человекъ — и старый грѣшникъ: скупецъ на показъ, онъ умѣлъ и на-жать, и прижать, и поскоблить, а главное — не выпустить изъ рукъ. Неподатливъ онъ былъ и крѣпокъ, какъ ру-жейный камень, — изъ него-же даромъ и искры не выбь-ешь безъ огня; молчаливъ былъ, скрытенъ и отшель-нически — замкнутъ, что устрица. Душевный холодъ за-морозилъ ему лицо, нащипалъ ему заостренный носъ, наморщилъ щеки, сковалъ походку и окислилъ голосъ. Постоянный иней убѣлилъ ему голову, брови и судорож-но-лукавый подбородокъ. Всегда и повсюду вносилъ онъ съ собою собственную свою температуру — ниже нуля, леденилъ свою контору даже въ каникулы и, ради са-мыхъ святокъ, не возвышалъ сердечнаго термометра ни на одинъ градусъ.

Вяѣшній жаръ и холодъ не имѣли на Скруджа ни малѣйшаго вліянія: не согрѣвалъ его лѣтній зной, не зябъ онъ въ самую жестокую зиму; а между тѣмъ рѣзче его никогда не бывало осенняго вѣтра; никогда и ни-кому не падали на голову, такъ безошадно, какъ онъ, ни снѣгъ, ни дождикъ; не допускалъ онъ ни ливня, ни го-лоледицы, ни изморози — во всемъ ихъ изобиліи: этого слова Скруджъ не понималъ.

Никто, и не разу не встрѣчалъ его на улицѣ при-вѣтливой улыбкой и словами: „Какъ вы поживаете, почтеннѣйшій мистеръ Скруджъ? Когда-же вы навѣстите насъ?“ Ни одинъ нищій не рѣшился протянуть къ нему руки за полушкой; ни одинъ мальчишка не спросилъ у него: „который часть?“ Никто, ни мужчина, ни женщина, въ теченіи всей жизни Скруджа, не спросили у него: „какъ пройди туда-то?“ Даже собака — вожатый улич-наго слѣпца, кажется, — и та знала Скруджа: какъ только его увидить, такъ и заведетъ своего хозяина либо подъ

ворота, либо въ какой нибудь закоулокъ, и начнетъ помахивать хвостомъ, словно выговариваетъ: „Бѣдняжка мой хозяинъ! знаешь-ли, что лучше ужь ослѣпнуть, чѣмъ сглазить добрыхъ людей?“

Да Скруджу то что за дѣло? Именно этого онъ и жаждалъ. Жаждалъ онъ пройти жизненнымъ путемъ одиноко, помимо толпы, съ вывѣской на лбу: „па — ади — берегись!“ А затѣмъ — „и пряникомъ его не корми!“ какъ говорить лакомки — дѣти.

Однажды, въ лучший день въ году, въ сочельникъ, старикъ Скрудж сидѣлъ въ своей конторѣ и былъ очень занятъ. Морозило; падалъ туманъ; Скруджу было слышно, какъ прохожіе по переулку свистятъ себѣ въ кулаки, отдуваются, хлопаютъ въ ладоши и отплясываютъ на панели трепака, чтобы согрѣться.

На башнѣ Сити пробило только — еще три часа по полудни, а на дворѣ было ужь совсѣмъ темно. Впрочемъ и съ утра не свѣтало, и огни въ сосѣднихъ окнахъ конторъ краснѣли масляными пятнами на черноватомъ фонѣ густого, почти осязательнаго воздуха. Туманъ проникалъ въ дома во всѣ щели и замочныя скважины; на открытомъ воздухѣ онъ до того уплотился, что, не смотря на узкость переулка, противоположные дома казались какими-то призраками. Глядя на мрачныя тучи, можно было подумать, что онѣ опускаются ближе и ближе къ землѣ съ намѣреніемъ — задымить огромную пивоварню.

Дверь въ контору Скруджа была открыта, такъ-что онъ могъ постоянно слѣдить за своимъ прикащикомъ, занятымъ списываніемъ вѣсколькихъ бумагъ въ темной каморкѣ: — нѣчто въ родѣ колодца. У Скруджа еле-еле тлѣлъ въ камелькѣ огонь, а у прикащика еще меньше: просто одинъ уголекъ. Прибавить къ нему онъ ничего не могъ, потому, что корзинка съ угольями стояла въ комнатѣ Скруджа, и всякій разъ, когда прикащикъ робко

входилъ съ лопаткой, Скруджъ предварялъ его, что будетъ вынужденъ съ нимъ разстаться. Вслѣдствіе сего, прикащикъ обматывалъ себѣ шею бѣлымъ „носопряткомъ“ и пытался отогрѣться у свѣчки; но, при такомъ видимомъ отсутствіи изобрѣтательности, конечно не достигалъ своей цѣли.

— Съ праздникомъ, дядюшка, и да хранитъ васъ Богъ! раздался веселый голосъ.

Голосъ принадлежалъ племяннику Скруджа, заставшему дядюшку врасплохъ.

— Это еще что за пустяки? спросилъ Скруджъ. Племянникъ такъ скоро шелъ къ нему и такъ разгорѣлся на морозномъ туманѣ, что щеки его пылали полымемъ, лицо раскраснѣлось, какъ вишня, глаза заискрились и изо рта валилъ паръ столбомъ.

— Какъ дядюшка: святки — то пустяки? замѣтилъ племянникъ Скруджа. — Толи вы говорите?

— А что-же? отвѣтилъ Скруджъ. Веселые святки. Да какое у тебя право — веселиться? Разоряться-то на веселье какое право?.. Вѣдь и такъ-ужь бѣденъ...

— Полно-же-полно! возразилъ племянникъ. — Лучше скажите мнѣ: какое у васъ право хмуриться и коптѣть надъ цифирью?.. Вѣдь и такъ — ужь богаты.

— Ба! продолжалъ Скруджъ, не приготовившись къ отвѣту, и къ своему „Ба!“ прибавилъ: Все это — глупости!

— Перестаньте-же, дядюшка, хандрить.

— Попеволѣ захандришь съ такими сумасшедшими. Веселые святки! Ну — его, ваше веселье!.. И что такое ваши святки? Срочное время — платить по векселямъ; а у васъ пожалуй, и денегъ-то нѣтъ... Да вѣдь съ каждымъ святками вы старѣете на цѣлый годъ и припоминаете, что прожили еще двѣнадцать мѣсяцевъ безъ прибыли. Нѣтъ! Будь моя воля, я каждого такого шального, за

поздравительныя побѣгущки, приказаль-бы сварить въ котлѣ, — съ его же пуддингомъ, похоронить, да ужь, за одно, что-бы изъ могилы не убѣжалъ, протѣнуть ему грудь сучкомъ остролистника... Эго — вотъ такъ!

— Дядюшка! заговорилъ было племянникъ, — въ качествѣ адвоката святокъ.

— Что, племянничекъ? строго перебилъ его дядюшка. Празднуй — себѣ святки, какъ хочешь, а ужь я — то отпраздную ихъ по своему.

— Отпразднуете? повторилъ за нимъ племянникъ.

— Да развѣ такъ празднуютъ?

— Ну, и не надо!.. Тебѣ я желаю на новый годъ новаго счастья, если стараго мало.

— Правда: мнѣ кой-чего не достаетъ... Да нужды нѣтъ, что новый годъ ни разу еще не набилъ мнѣ кармана, а все-таки святки для меня святки.

Прикащикъ Скруджа невольно зарукоплескалъ этой рѣчи изъ извѣстнаго намъ колодца; но, понявъ всё неприличіе своего поступка, бросидся поправлять огонь въ камелькѣ и затушилъ послѣднюю искру.

— Если вы еще затушите, сказалъ ему Скруджъ, вамъ придется праздновать святки на другомъ мѣстѣ. А вамъ, сэръ, прибавилъ онъ, обратившись къ племяннику, я долженъ отдать полную справедливость: вы — превосходный витія и напрасно не вступаете въ парламентъ.

— Не сердитесь, дядюшка: будетъ! Приходите къ намъ завтра обѣдать. Скруджъ ему отвѣтилъ, чтобы онъ пошелъ къ... Право: такъ и сказалъ, все слово выговорилъ, — такъ-таки и сказалъ: пошелъ... (Читатель, можетъ, если заблагоразсудить, договорить слово).

— Да почему же, вскрикнулъ племянникъ? Почему?

— А почему ты женился?

— Потому, — что влюбился.

— Любовь! пробормоталъ Скруджъ, да такъ пробормоталъ, какъ будто-бы, послѣ слова — новый годъ, любовь была самымъ глупымъ словомъ въ мѣрѣ.

— Послушайте, дядюшка! Вѣдь вы и прежде никогда ко мнѣ не заходили: причемъ-же тутъ моя женитьба?

— Прощай! сказалъ Скруджъ.

— Я отъ васъ ничего не желаю, ничего не прошу: отчего же намъ не остаться друзьями?

— Прощай! сказалъ Скруджъ.

— Я истинно огорченъ вашей рѣшимостью... Между нами, кажется, ничего нѣ было... по крайней мѣрѣ, съ моей стороны... хотѣлось мнѣ провести съ вами первый день, — ну? что-жь дѣлать! я все-таки повеселюсь — и вамъ того-же желаю.

— Прощай! сказалъ Скруджъ.

Племянникъ вышелъ изъ комнаты, ни полсловомъ не выразивъ своего неудовольствія; но остановился на порогѣ и поздравилъ съ наступающимъ праздникомъ провожавшаго его прикащика, а въ томъ, не смотря на постоянный холодъ, было все-таки больше теплоты, чѣмъ въ Скруджѣ. Поэтому онъ отвѣчалъ радушно на привѣтствіе своего поздравителя, такъ-что Скруджъ услыхалъ его слова изъ своей комнаты и прошепталъ:

— Вотъ, еще дуракъ-то набитый! Служить у меня прикащикомъ; получаетъ пятнадцать шиллинговъ въ недѣлю; на рукахъ жена и дѣти; а туда-же радуется празднику!... Ну, какъ-же не самъ напрашивается въ домъ сумасшедшихъ?

Въ это время набитый дуракъ, проводивъ племянника Скруджа, ввелъ за собою въ контору двухъ новыхъ посѣтителей: оба джентльмена казались крайне порядочными людьми, съ благовидной наружностью, и оба при входѣ сняли шляпы. Въ рукахъ у нихъ были какіе то реестры и бумаги.

— Скрудъжъ и Мэрлей, кажется? спросилъ одинъ изъ нихъ съ поклономъ и поглядѣлъ въ списокъ. — Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить: съ мистеромъ Скруджемъ, или съ мистеромъ Мэрлеемъ?

— Мистеръ Мэрлей умеръ семь лѣтъ тому, отвѣтилъ Скрудъжъ. — Ровно семь лѣтъ тому умеръ, именно въ эту самую ночь.

— Мы не сомнѣваемся, что великодушіе покойнаго нашло себѣ достойнаго представителя въ пережившемъ его компаньонѣ! сказалъ незнакомецъ, предъявляя официальную бумагу, уполномочивавшую его на собраніе милостыни для бѣдныхъ.

Сомнѣваться въ подлинности этой бумаги было невозможно; однако-же, при досадномъ словѣ: *великодушіе*, Скрудъжъ нахмурилъ брови, покачалъ головой и возвратилъ своему посѣтителю свидѣтельство.

— Въ эту радостную пору года, мистеръ Скрудъжъ, заговорилъ посѣтитель, взявъ перо, „было-бы всего желательнѣе собрать посильное пособіе бѣднымъ и немущимъ, страдающимъ теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь: тысячи изъ нихъ лишены самаго необходимаго въ жизни; сотня тысячъ не смѣютъ и мечтать о наискромнѣйшихъ удобствахъ.“

— Развѣ тюрьмы уже уничтожены? спросилъ Скрудъжъ.

— Помилуйте, отвѣчалъ незнакомецъ, опуская перо. — Да ихъ теперь гораздо больше, чѣмъ было прежде...

— Табъ, стало-быть, продолжалъ Скрудъжъ, приюты прекратили свою дѣятельность?

— Извините, сэръ, возразилъ собесѣдникъ Скруджа: дай-то Богъ, чтобы они ее прекратили?

— Такъ челоѣколюбивый жерновъ все еще мелеть на основаніи закона?

— Да! и ему, и закону много еще дѣла.

— О!... А я вѣдь подумалъ-было, что какое-нибудь